

сознаться, но съ другой стороны нельзя не признаться". Мы не станем утверждать, что для появленія этой формулы не было рѣшительно никакихъ оснований. Мягкій, гуманный отъ природы, умѣренный по убѣжденію, В. О. не былъ и не могъ быть однимъ изъ тѣхъ бойцовъ, въ которыхъ типично выражается духъ эпохи; какъ всѣмъ приверженцамъ середины, ему суждено было возбуждать неудовольствіе и направо и налѣво. Справедливо ли было рѣзкое выраженіе этого неудовольствія, доходившее до упрека въ „пѣвкоснимательствѣ"—это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы здѣсь не входимъ. Напомнить о спорѣ, давно затихшемъ, мы нашли нужнымъ только для того, чтобы обрисовать всю неприглядность положенія, много лѣтъ сряду тяготѣвшаго надъ В. О. Коршемъ. Быть обвиняемымъ, въ одно и тоже время, въ дерзости и въ трусости, въ „потрясеніи основъ" и въ бережномъ обращеніи съ рутиной—это судьба почти трагическая, испытаніе, почти превышающее человѣческія силы. Удивляться нужно не тому, что „С.-Петербургскія Вѣдомости", подъ редакціей В. О. Корша, не всегда держались на одной и той же высотѣ, а тому, что онѣ до самаго конца оставались лучшей русской газетой.

Разсказывать подробности катастрофы, постигшей В. О. Корша въ концѣ 1874 г., теперь еще не время. Извѣстно, что главной ея причиной было отношеніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" къ вопросу объ учебной реформѣ; извѣстна также дальнѣйшая судьба газеты, сразу утратившей все то, что было дано ей трудами В. О. Корша. Характеристична для личности покойнаго та любовь, которую онъ сохранилъ, несмотря на всѣ разочарованія, къ газетному дѣлу. Всѣ мечты, всѣ усилія его были направлены къ тому, чтобы возвратиться къ истопающей, неблагодарной, но дорогой его сердцу работѣ. Благопріятный, повидимому, случай представился довольно скоро, въ началѣ 1877 г.; кружокъ литераторовъ и лицъ, интересующихся литературой, далъ средства на преобразование спеціально-юридическаго „Судебнаго Вѣстника" въ политическую ежедневную газету: „Сѣверный Вѣстникъ". Во главѣ предпріятія сталъ, неофициально, В. О. Коршъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что главнымъ побужденіемъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ многихъ владѣльчиковъ было желаніе открыть ему вновь доступъ къ прежней дѣятельности и пополнить пробѣлъ, образовавшійся въ нашей журналистикѣ вслѣдствіе разрушенія прежней редакціи „Спб. Вѣдомостей". Обстоятельства, при которыхъ началось изданіе „Сѣвернаго Вѣстника", оказались, однако, рѣшительно неблагопріятными для новой газеты—а для того, чтобы поправиться и стать на ноги, ей не хва-